

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что вопросы ношения хиджаба регулируются по-разному. Поэтому Россия вряд ли может прямо заимствовать опыт какой либо одной страны. Наша ситуация не такая, как в большинстве мусульманских стран. Да и практика западных стран, где мусульмане, в отличие от России, не являются заметной частью населения на протяжении многих веков, не может быть для нее надежным ориентиром. Россия нуждается в выработке своего собственного подхода к рассматриваемому вопросу с учетом тех приоритетов, которые предлагает современная исламская правовая мысль для решения проблем мусульманских меньшинств, проживающих в условиях немусульманского общества.

Одним из таких критериев является обращение к исламской концепции «интересов» и «необходимости» в подходе к проблеме хиджаба. Напомним, что один из принципов исламского права предусматривает возможность отхода от следования строгому запрету по «необходимости», т.е. если его соблюдение противоречит основополагающим интересам мусульман и целям шариата. Именно со ссылкой на эту концепцию в Кувейте дорожной полиции разрешено требовать от женщин за рулем снимать никаб (головной убор, полностью закрывающий лицо) в случае нарушения правил дорожного движения или ДТП, хотя в целом вождение автомобиля в такой одежде допускается.

Понятно, что любые правовые проблемы должны обсуждаться и решаться на основе юридических аргументов. Именно так и поступила Кассационная коллегия Верховного Суда РФ отметив в своем определении по «делу о хиджабах», что любые ограничения прав и свобод человека, к которым следует отнести и ношение хиджаба, могут быть ограничено только федеральным законом, а не ведомственным актом. Но представим на минуту, что такой закон, требующий фотографироваться для получения паспорта без головного убора, будет принят. Вряд ли его можно будет признать неконституционным или оспорить в Европейском суде по правам человека. Тогда придется обосновывать подход к указанному ограничению для российских мусульманок ссылками на шариатские аргументы и кри-

терии, выработанные современной исламской правовой мыслью. Вот здесь и окажется востребованной указанная выше концепция «необходимости», которая, как говорит исламская правовая доктрина, «делает разрешенным запрещенное», т.е. допускает отход от соблюдения строгого шариатского запрета в рамках своей «меры».

Обратим также внимание на мнение ряда ведущих исламских мыслителей, которые считают, что при всей ее чувствительности проблема хиджаба не должна отвлекать мусульман от более серьезных и актуальных проблем, с которыми сталкивается современное мусульманское сообщество. На фоне его приоритетов этот вопрос выглядит второстепенным. Если российские мусульмане стремятся строго следовать предписаниям ислама, то их должно заботить не только соблюдение конкретных и частных норм, выработанных исламской правовой мыслью, но и претворение общих ценностей шариата. Именно они и должны лежать в основе подхода мусульманского сообщества ко всем проблемам, особенно если речь идет о стране, где они в целом составляют конфессиональное меньшинство, пусть и весьма значительное.

От редакции. Многие конфликты случаются оттого, что разные люди вкладывают в одни и те же слова разные понятия. А что если подобное непонимание происходит при применении правового акта? Последствия – самые непредсказуемые. Оценим, насколько логично и, главное, доходчиво и ясно написано Кассационное определение ВС РФ от 15 мая 2003 г.

Для этого мы попросили проанализировать его текст адвоката, кандидата филологических наук, магистра права (LL.M.) Аниту Карловну Соболеву.

Анита Соболева: за культуру письменной речи юриста

В данном комментарии текст определения Кассационной коллегии Верховного Суда РФ по «Делу о хиджабах» мы рассмотрим в свете соблюдения правил практической стилистики. Не секрет, что соблюдение грам-

матических правил еще не гарантирует ясности, точности и логичности изложения, – чтобы текст был понятен читателю, необходимо избегать стилистических ошибок. Предложение является ясным и не нуждается в улучшении тогда, когда оно воспринимается читателем правильно во всех своих элементах сразу, при первом прочтении, и не требует перечитывания. В юридическом тексте достичь смысловой понятности, не пожертвовав при этом точностью, бывает порой очень сложно. Однако большинства стилистических ошибок можно избежать без труда, и стилистическая небрежность – вовсе не существенная черта юридических текстов, а лишь недоработка их создателей.

Для проведения стилистического анализа, прежде всего, следует обратить внимание на *первоначальное восприятие* текста и *окончательное восприятие* текста читателем. Для стилистической правильности имеет значение тот смысл, который воспринимается читающим, а не тот, что имел в виду пишущий. Так, при чтении фразы: «Кассационная коллегия... рассмотрела в открытом судебном заседании... гражданское дело... по заявлению... об оспаривании пункта 14.3 Инструкции о порядке выдачи... паспортов гражданина Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 сентября 1997 г. № 605», – смысл, который устанавливается при первоначальном восприятии, таков: «Российской Федерации, утвержденной приказом МВД». Только при внимательном повторном прочтении предложения устанавливается окончательное восприятие: «инструкции, утвержденной приказом». Сравним этот пример с приведенным в книге Б.С. Мучник «Культура письменной речи: формирование стилистического мышления»: «Оба купца поселились в особняках разорившихся дворян, доставленных из Европы в разобранном виде»¹. Первоначальное восприятие – «дворян, доставленных в разобранном виде», и лишь повторное – «в особняках, доставленных в разобранном виде». Если при первоначальном восприятии читающий сначала ошибается (объединяет слова неправильно), а затем, учитывая общий смысл предложения, преодолевает ошибку и

объединяет слова так, как они должны быть связаны, то налицо имеется стилистический изъян. Б.С. Мучник констатирует: «Если при первоначальном восприятии предложения возникает ошибочная смысловая связь слов, то это уже означает, что предложение стилистически ошибочно и должно быть исправлено. При окончательном восприятии предложения читающий обычно разъединяет ошибочно объединившиеся слова и устанавливает правильную смысловую связь слов. Однако то, что читающий в конце концов находит правильный смысл, не может служить основанием для того, чтобы признать предложение стилистически правильным».² Подобное построение фразы считается стилистической ошибкой потому, что оно требует от читателя повторного прочтения текста. Это объясняется особенностями нашего восприятия: каждое слово, которое грамматически может быть связано в предложении или с одним, или с другим словом, при первоначальном прочтении объединяется с ближайшим из этих слов. Если автор текста связывал его с другим, более отдаленным словом, появляется расхождение между передаваемой и воспринимаемой мыслью.

Сложности в восприятии возникают и при прочтении фразы «...по кассационной жалобе заявителей на решение Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2003 года, которым в удовлетворении заявления отказано». С точки зрения грамматики в данном случае невозможно установить, относится ли слово «которым» к заявителям (которым отказано в удовлетворении их требований), решению (в котором содержится отказ) либо Верховному Суду (который отказал). Непонятно даже, является ли оно в данном случае дательным падежом местоимения «который», употребленного во множественном числе, либо творительным падежом единственного числа. Словарь-справочник «Трудности русского языка» подсказывает: «Местоимение *который* ставится непосредственно за опреде-

¹ Мучник Б.С. Культура письменной речи: формирование стилистического мышления. 2-е изд. М.: Аспект Пресс. 1996. С. 3–4.

² Там же. С. 4–5.

ляемым им существительным (согласуясь с ним в роде и числе)... Неправильно поэтому: «Я все операции усвоил, которые имеются в цехе [следует: ...операции, которые имеются в цехе, усвоил] (...) Местоимение *который* ставится не непосредственно за определяемым существительным лишь в случае, если это существительное (или слово *который*) находится в составе словосочетания: *улица города, по которой ехали; коридор, окна которого выходят во двор*. Если при этом формы рода или числа (множественного) существительных словосочетания в главном предложении совпадают, то во избежание двусмысленности (а иногда и нелепости), неясности, к какому именно существительному относится местоимение *который*, конструкции с придаточным определительным (со словом *который*) следует избегать».¹ Предложить более удачный вариант данной фразы затруднительно именно потому, что неясно, к какому из слов относил союзное слово «*которым*» сам автор текста. Если оно относится к Верховному Суду, то логичнее было бы написать «*который в решении от 5 марта 2003 года в удовлетворении заявления отказал*». Если оно относится к словам «*решение от 5 марта 2003 года*», то правильнее было бы написать так: «*в котором Верховный Суд РФ в удовлетворении заявления отказал*». Заметим также, что использование активного залога (суд отказал) предпочтительнее, чем использование пассивной конструкции (решением суда отказано). Во-первых, излишнее использование пассивных конструкций затрудняет восприятие текста, во-вторых, оно обезличивает деятеля. Отказывает гражданам все-таки суд, а не решение! Неслучайно использование пассивных конструкций считается признаком канцелярского стиля и свидетельством бюрократического подхода – оно позволяет «размыть» ответственность при написании бюрократических отписок (например, «в предоставлении льгот вам отказано», «вам разъяснено»). По возможности следует избегать пассивных конструкций и заменять их активными: вместо «вам отказано, вам разъяснено» (где-то кем-то наверху, без указания конкретного государственного органа или чиновника, ответственного

за принятие решения) писать «суд отказал», «отдел ФМС разъяснил» и т.п.

Фраза «заслушав доклад судьи... объяснения Латыповой Р.Г., представителей других заявителей адвоката Ряховского В.В., адвоката Загидуллы Ф.Н. ...» также содержит ошибку, нарушающую ясность текста. Поскольку общая закономерность смыслового объединения слов при первом прочтении, о которой мы писали выше, состоит в том, что каждое слово объединяется при первоначальном восприятии с ближайшим из тех, с которым может быть связано, а не с более отдаленным (хотя пишущий связывал его как раз с более отдаленным), то при чтении приведенной фразы читатель сначала воспринимает ее так, будто бы речь идет о «представителях заявителей адвоката», затем спотыкается, перечитывает и устанавливает нужные смысловые связи. Для облегчения понимания достаточно было поставить тире: «заслушав... представителей других заявителей – адвоката Ряховского В.В., адвоката Загидуллы Ф.Н....». Вторым недочетом данной фразы является соединение в качестве однородных членов одушевленных и неодушевленных существительных в рамках одного предложения: «заслушав доклад судьи Верховного Суда... *объяснения* Латыповой Р.Г., *представителей* других заявителей...» (сравни: «Шли дождь и два студента»). Если составитель текста имел в виду смысловую связь «объяснение... представителей», то необходимо было отразить это при помощи союза «и»: «заслушав доклад судьи... *объяснения* Латыповой Р.Г. *и* представителей других заявителей». Однако в данном случае автор текста вряд ли имел в виду «объяснения... адвокатов...», поскольку далее ряд однородных членов содержит в перечислении «*представителей* МВД России... *закключение* прокурора Генеральной прокуратуры...» (то есть опять встречаются однородные дополнения, выраженные одушевленными и неодушевленными существительными). Сделать фразу ясной с первого прочтения можно было бы просто, устранив указанные

¹ Трудности русского языка: словарь-справочник журнала / Под ред. Л.И. Рахмановой. Изд. МГУ, 1974. С. 208.

дефекты. Вот один из вариантов (внесенные изменения выделены курсивом): «Заслушав доклад судьи Верховного Суда..., объяснения Латыповой Р.Г., *выступления представителей других заявителей – адвоката Ряховского В.В., адвоката Загидуллы Ф.Н., Идеятуллина Р.Г. и Нуреевой Г.Ф., которые поддержали доводы кассационной жалобы, выступления представителей МВД России Быченковой И.В., Черкашиной И.И., Фатина В.В. и Тузлуковой Н.С., возражавших против приведенных в жалобе доводов, а также заключение прокурора Генеральной прокуратуры Российской Федерации Федотовой А.В., полагавшей кассационную жалобу необоснованной...*» Предложенный вариант при чтении воспринимается намного легче. Правда, остается еще одна стилистическая погрешность – поскольку в отрезке предложения про выступления представителей следует несколько однородных членов, которые состоят из одинакового количества слов («*адвоката Ряховского, адвоката Загидуллы*»), то читатель – по законам восприятия текста – настраивается на периодичность и приводится в ожидание правильного ритмического чередования.¹ Поскольку далее следуют однородные члены, состоящие из одного слова, то перед словом «...*Идеятуллиным...*» при прочтении текста «повисает» пауза, поскольку ожидание не оправдывается. «Уравновесить» ритмический рисунок фразы можно было бы, добавив перед фамилиями оставшихся двух представителей слова «гражданина Идеятуллина», «юриста Идеятуллина» или какие-либо другие, соответствующие контексту.

Значительно облегчить восприятие данного текста (и любого другого официального юридического документа) могло бы использование сокращения РФ или слова «Россия» вместо «Российская Федерация» – необходимость полностью повторять это словосочетание очень «утяжеляет» текст и делает его значительно длиннее. Представляется, что, приняв необходимые нормативно-правовые акты, можно было бы узаконить использование такой замены в значительном числе случаев (например, там, где это

не связано со ссылками на полное название законодательных актов).

И наконец, последний комментарий: Кассационная коллегия определила «решение Верховного Суда... отменить, вынести новое решение, *которым заявление удовлетворить*». Использование оборота, который мы выделили курсивом, уже анализировалось в самом начале нашего обзора («решением заявление удовлетворить») можно, перестроив предложение: «удовлетворить заявление и вынести новое решение», «заявление удовлетворить, о чем вынести новое решение» и т.п.¹

В целом следует отметить, что большинство отмеченных стилистических недочетов вызвано стремлением использовать бюрократические клише и штампы, с помощью которых – по ложному, но прочно устоявшемуся мнению – можно придать тексту более строгое, научное, важное звучание. На самом деле канцеляризм и неудачные клише только засоряют текст, делают его менее понятным, затрудняют восприятие. Поскольку эти штампы повторяются из текста в текст («решение, которым в удовлетворении заявления отказано», «находит решение суда подлежащим отмене»), можно просто пересмотреть формуляр постановления суда, переработав его в соответствии с правилами практической стилистики.

Безусловно, судьи Верховного Суда и сотрудники его аппарата – высококвалифицированные специалисты с большим опытом работы, которые на практике постигли тонкости юридической письменной речи. Именно поэтому в их решениях не так много стилистических погрешностей и нет грубых грамматических и стилистических ошибок. Однако желательно, чтобы ошибок не было совсем. Для этого в областных, краевых судах, Верховном Суде (т.е. как минимум в тех судах, чьи решения публикуются) должен работать редактор – журналист или филолог, прошедший специализацию в области практической стилистики и редактирования. Курс практической стилистики необходимо ввести на курсах повыше-

¹ Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966. С. 124.

ния квалификации судей, по возможности добавив к нему краткий коррекционный курс русской орфографии и правописания. Разумеется, на юридических факультетах необходимо преподавать курс русского языка и курс практической стилистики, которые пока читаются студентам-юристам только в некоторых регионах РФ. Введение курса «Письменная речь юриста» было бы крайне желательным, и в таком курсе, помимо грамматики и стилистики, нужно изучать также теорию аргументации (изобретение и расположение аргументов) и требования к графическому оформлению текста.

Поскольку конституционно-правовой анализ решений или их интерпретация с точки зрения сравнительного права и международно-правовых стандартов не входила в число задач, которые ставил перед собой автор настоящего обзора, то в заключение отметим лишь одну деталь, которая обращает на себя внимание с точки зрения теории аргументации в праве. По сути дела и в решении ВС РФ, и в определении Кассационной коллегии ВС спор идет о том, является ли требование фотографироваться без платка ограничением права на свободу религии, и если является, то основано ли оно на законе. В первом случае суд пришел к выводу, что такое требование не является ограничением, во втором – что оно является ограничением, но на законе не основано, поэтому подлежит отмене. При этом остался вопрос: а если бы такое ограничение было введено федеральным законом, насколько бы оно соответствовало Конституции РФ? Ни в одном из судебных постановлений не проводится анализ «цель – средство», хотя в решении ВС РФ от 05.03.2003 г. цель водимого ограничения заявлена (она содержится в объяснениях представителей МВД) – это «необходимость содержания максимального количества идентификационных признаков человека». Поскольку такая цель сама по себе не является конституционно значимой, то мы, вероятно, можем рассматривать ее как часть более глобальной цели, такой как поддержание общественного порядка и/или обеспечение национальной безопасности. Однако насколько соответствует предложенное средство (фотографирова-

ние без платка) достижению той цели, ради которой оно вводится (точная идентификация личности для правоохранительных целей)? Если принять аргументы первого решения и признать, что нельзя фотографироваться в платке, то почему тогда можно фотографироваться в парике, с химической завивкой или с окрашенными волосами, с длинными или короткими волосами, с различной прической, которые до неузнаваемости могут изменить лицо человека? Если же согласиться с позицией Кассационной коллегии, что в настоящий момент при отсутствии федерального закона не существует никакого запрета на фотографирование в хиджабе, то следует признать и то, что на фотографии хиджаб может закрывать все лицо целиком, кроме глаз, а то и вместе с глазами, как это принято в ряде мусульманских стран. Вряд ли Кассационная коллегия имела в виду подобного рода фотографии на документы. Для примера приведем, как требования к фотографиям сформулированы канадским посольством: «Разрешается фотографироваться в затемненных очках, если глаза четко видны, а оправа не закрывает какую-либо часть глаз... Парики и другие косметические средства допускаются, если они не искажают внешность. Фотографии, на которых заявитель изображен в шляпе или его голова прикрыта по религиозным соображениям, допустимы, если на них отчетливо видны все черты лица». Такой подход позволяет избежать вопросов о религиозной дискриминации, обеспечив для целей безопасности и охраны порядка получение фотографии, по которой можно достоверно идентифицировать человека. ■